

СОДЕРЖАНИЕ

Введение (постановка проблемы, понятия, цель обзора)	5
Неравенство в доходах: Экономический и социальный дискурсы.....	5
Проблема распределения доходов: Общие контуры	7
Основные понятия и соотношения между ними	10
Синописис: О структуре обзора.....	18
Неравенство внутри стран и между странами	21
Показатели (индексы) для измерения неравенства в доходах	22
Статистические базы и методология расчета.....	22
Показатели неравенства в доходах.....	29
Сравнительные достоинства и недостатки разных индексов ...	39
Неравенство в доходах внутри стран: Уровни и тренды.....	43
Эндогенные факторы, влияющие на уровни оплаты труда	43
Особенности неравенства в уровнях заработных плат (развитые страны)	51
Изменения в технологиях и проблема неравенства доходов внутри стран	56
К вопросу о взаимосвязи между неравенством и экономической свободой	61
Неравенство в доходах между странами:	
Сопоставления и тренды	63
Сравнительные тренды в динамике неравенства (развитые страны)	66
Особенности распределения доходов в развитых странах	77
Несколько слов о глобальном неравенстве	88

«Изнанка» глобализации: Что происходит с распределением доходов	91
Показатели (индексы) для измерения глобализации	91
Инструментальные подходы к измерению уровня глобализации	91
Как и чем измеряется уровень глобализации отдельных стран	92
Как глобализация влияет на неравенство доходов:	
Две стороны одной медали	99
Неолиберальные «рельсы» экономической глобализации	101
Проблема неравенства доходов в свете глобализации	102
Диспропорции в уровнях заработной платы: В чем виновата глобализация	106
Глобализация и углубление неравенства в уровнях заработной платы	106
Дефекты глобализации: Проекция на менее развитые страны	116
Глобализация как драйвер неравенства в доходах:	
Модели и оценки	131
Теоретические конструкции и экономические реалии:	
Области пересечений и несоответствий	131
Эмпирические исследования: Модели «первой» и «второй» волны	137
Детерминанты неравенства доходов в моделях «третьей волны»	146
Иные подходы к проблеме воздействия глобализации на неравенство (социологический ракурс)	158
Еще раз о проблемах измерения влияния глобализации на неравенство	162
Заключение (итоги и выводы)	165

ВВЕДЕНИЕ (ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ, ПОНЯТИЯ, ЦЕЛЬ ОБЗОРА)

Неравенство в доходах: Экономический и социальный дискурсы

Вопрос о том, каким образом в обществе распределяются доходы, от чего это распределение зависит и как оно, в свою очередь, влияет на экономическое и социальное «здоровье» этого самого общества, всегда находился в фокусе экономической теории и экономической политики. Но если экономисты-классики, экономисты-марксисты и экономисты-кейнсианцы были озабочены главным образом тем, как распределяются доходы между основными факторами производства – землей, трудом и капиталом, то сегодня наибольший исследовательский и политический интерес вызывают факторы, от которых зависит распределение доходов между различными группами доходополучателей.

Всё бы ничего, если бы эта проблема не приобрела в последнее время настолько драматический характер, что стала чуть ли не основным дискутируемым нарративом на всех этажах социальной пирамиды – от лиц, непосредственно принимающих политические решения на международном или национальном уровнях, до домохозяйств и домохозяек. В главном фокусе дискуссий оказались ученые, консультанты, эксперты, исследующие проблемы неравенства и бедности либо комментирующие их. Не остались в стороне, разумеется, и средства массовой информации. Именно с их легкой подачи серьезные научные трактаты, отличающиеся относительно свежими подходами к оценкам феномена неравенства, стали научными блокбастерами (как это случилось, например, с недавним фундаментальным трудом французского экономиста Тома Пикетти).

В задачу настоящего обзора не входит выяснение причин, из-за которых в мире вдруг вспыхнул столь жгучий интерес к проблематике неравенства. Понятно, что главный посыл к раскручиванию темы исходил от Америки. Тут, по-видимому, сыграли свою роль и Великая рецессия 2008–2009 гг., нанеся серьезную травму прежде всего американскому обществу, но не только («болевые эффекты» этой травмы, и отнюдь не фантомные, до сих пор отдаются по всему миру); и очевидный кризис концепции и практики государства всеобщего благосостояния; и «социальная усталость» от неолиберальной глобализации, плоды которой для большинства оказались не столь сладкими, как ожидалось; и реанимация неомарксистских и иных левых пристрастий, особенно в американской и западноевропейской академической среде; и реальные проблемы, обозначаемые условно как «демонтаж среднего класса»; и массовый наплыв в страны «золотого миллиарда» мигрантов с Юга, носителей чуждых Западу культурных ценностей, но зато готовых выполнять работу, от которой отвыкли избалованные «всеобщим благосостоянием» «сытые» нации; и ощущение социальной бесперспективности, пришедшее на смену преобладавшему на Западе еще 20–40 лет назад социальному оптимизму. И многое другое.

Факт, однако, остается фактом: к середине второго десятилетия нынешнего века поиск путей решения приобрел особую остроту проблемы социально и экономически неприемлемого неравенства стал едва ли не главной задачей на ближайшие годы, обозначенной ведущими политиками и представителями мирового экспертного сообщества. В оценках специалистов неравенство приобрело настолько серьезный и угрожающий характер, что накануне ежегодной встречи в Давосе в январе 2017 г. организаторы Всемирного экономического форума (ВЭФ) заявили, что именно углубление разрыва между богатыми и бедными является фундаментальной причиной как известного феномена, получившего народное прозвище «брексит», так и победы Дональда Трампа на президентских выборах в США в 2016 г. (209, с. 6, 11).

По замечанию экономического редактора влиятельной британской «Гардиан» Ларри Эллиотта, в ежегодном отчете ВЭФ о глобальных рисках, подготовленном при участии почти 700 экспертов из разных стран, подчеркивается, что наблюдаемое углубление диспаритета в уровнях доходов и благосостояния (прежде всего внутри отдельных стран, но отчасти и между некоторыми группами стран) является первым по степени значимости

и уровню риска для мировой экономики трендом среди всех фундаментальных трендов, которые будут определять экономическую и политическую конфигурацию мира на ближайшее десятилетие (76). Да и в ежегодных отчетах ВЭФ за предыдущие пять лет (2012–2016) социальные и политические риски, связанные с углублением неравенства, оказывались на первых позициях в рейтингах рисков, вызывающих особенно глубокую озабоченность на национальном и глобальном уровнях (190, с. 5).

Диспропорции в распределении доходов между различными группами (когортами, квантилями) доходополучателей (обычно к таковым относят домохозяйства) принято считать одной из фундаментальных причин наблюдаемого сегодня роста социального неравенства (в широком значении этого понятия) как внутри отдельных стран, так и в мире в целом. Поэтому именно анализ структуры и динамики распределения доходов между домохозяйствами рассматривается как естественный инструмент, позволяющий достаточно адекватно оценить масштабы, глубину и траекторию изменения уровней неравенства в той или иной стране, сопоставить тренды в развитии феномена неравенства между странами и прийти к некоему внятному заключению относительно того, что и как следует делать дальше.

Проблема распределения доходов: Общие контуры

Взрыв интереса к исследованиям проблемы роста неравенства доходов ставит вопрос об источниках и паттернах этого процесса. Гигантский объем литературы, исчисляемый тысячами публикаций, посвящен изучению влияния на углубление диспаритета в доходах таких факторов, как стремительные технологические изменения последних лет (в особенности глобальное распространение новых информационных и коммуникационных технологий, роботизация производств); углубление дифференциации работников по уровням образования и профессиональной подготовки; ослабление роли профсоюзов (деюнионизация) и, разумеется, экономическая глобализация (83, с. 32).

Глобализация часто упоминается в одном ряду с прочими факторами, влияющими на динамику неравенства в доходах. Однако такое однопорядковое перечисление несколько сбивает акценты. На самом деле глобализация в известной мере (в каждом случае по-разному) сама, как будет показано ниже, «повинна» и в

изменениях траекторий распространения новых технологий (по отраслям и странам), и в образовании новых контуров систем образования, и в демонтаже профсоюзов, и в целом ряде других очевидных изменений экономического и социального ландшафта едва ли не во всех странах мира. Глобализация, таким образом, предстает скорее как мета-фактор наблюдаемой сегодня динамики неравенства в доходах (как положительной, так и отрицательной – хотя оценки «положительности» и «отрицательности» в данном случае часто могут оказаться субъективными).

Основными драйверами долгосрочных трендов в углублении неравенства доходов внутри стран в последние десятилетия, согласно господствующему мнению, служат резкий всплеск в уровне текущих доходов и благосостояния наиболее богатых домохозяйств и снижение текущих доходов наименее обеспеченных домохозяйств (замедление роста доходов в периоды экономических подъемов и сокращение доходов в периоды рецессий) (83, с. 32). Но какие силы стоят за этими всплесками и падениями?

Вопрос о причинах и эффектах неравенства доходов на уровне национальных экономик давно находится в сфере исследовательского интереса специалистов. Однако после Великой рецессии 2008–2009 гг. проблема неравенства доходов приобрела новое измерение: она стала реальной политической проблемой. Книга Т. Пикетти «Капитал в XXI веке», увидевшая свет в 2015 г. и переведенная на многие языки, подогрела накал дебатов вокруг проблем диспаритета в доходах. В том же 2015 г. тогдашний президент США Обама публично признал, что растущий разрыв в доходах между богатыми и бедными американцами является «определяющим вызовом нашего времени» и «фундаментальной угрозой» (см.: 195). А Всемирный экономический форум в Давосе в 2017 г. обозначил рост неравенства доходов и богатства в качестве наиболее опасного тренда экономического развития на ближайшие годы для всех стран (209, с. 11).

Несмотря на значимость изучения проблемы собственно неравенства (и прежде всего неравенства в доходах) и несмотря на то, что различным подходам к этой проблеме в предлагаемом обзоре будет отведено достаточно места, предметом центрального интереса, как это будет видно из дальнейшего, являются все же не столько исследования собственно диспропорций в распределении доходов между отдельными группами доходополучателей в отдельных странах и в глобальном масштабе, сколько прежде всего исследования, позволяющие выявить наличие и интенсивность

взаимосвязей между трендами в развитии глобализации, формами ее проявления на национальном и межнациональном уровнях, с одной стороны, и структурой и динамикой дисперсии в уровнях доходов домохозяйств – с другой.

На самом деле взаимосвязь между глобализацией и неравенством еще сложнее: не только глобализация является одним из важных драйверов неравенства, но и масштабы неравенства в отдельных странах и на глобальном уровне, в свою очередь, в известной мере опосредованно определяют концептуальное наполнение глобализации, ее идеологический вектор, ее контуры и тренды в ее развитии. Иначе говоря, изменения структуры неравенства в доходах между когортами доходополучателей внутри отдельных стран и в межстрановом разрезе, в свою очередь, оказывают влияние на темпы развития и формы проявления глобализации.

Можно предположить, что обозначенные взаимосвязи прослеживаются как в рамках национальных экономик, так и при сопоставлении мировых трендов в изменении уровня неравенства между отдельными странами и между группами стран.

В качестве ближайшего примера обратного воздействия неравенства в доходах на паттерны глобализации можно отметить, в частности, наметившуюся в самое последнее время и пока еще слабо выраженную новую тенденцию к серьезной корректировке сложившейся за десятилетия парадигмы «радикально неолиберальной» глобализации и поиску альтернативных вариантов формирования мирового экономического ландшафта. Достаточно внятно этот новый тренд был обозначен в лозунге «переформатирования» нынешней модели глобализации, с которым на президентских выборах в США в 2016 г. победил Дональд Трамп.

По наблюдениям экспертов, не в последнюю очередь именно недовольство значительной части американского электората (и прежде всего нижних слоев среднего класса, представленного преимущественно «синими воротничками») снижением своего жизненного уровня привело к поражению правившей до этого в Америке демократической партии и к победе Трампа. Это недовольство стало следствием наиболее зримых эффектов глобализации – вывода американскими корпорациями рабочих мест в третьи страны (офшорного аутсорсинга) и «затопления» американских прилавков потребительскими товарами из стран Юго-Восточной Азии, прежде всего Китая. Откликаясь на это недовольство, Трамп провозгласил в качестве одного из основных приоритетов своей внутренней

политики возвращение высокооплачиваемых рабочих мест и введение ограничений для доступа дешевой продукции из третьих стран на американские рынки. Время покажет, насколько заявленные новой американской администрацией намерения будут реализованы в конкретной политике. Однако некоторые шаги, предпринятые Трампом на посту президента, показывают, что он настроен серьезно. За первые семь месяцев 2017 г. число рабочих мест в стране выросло более чем на 1 млн. При этом безработица удерживается на самом низком уровне за последние полтора десятилетия, а средняя почасовая ставка оплаты труда в американской экономике выросла к июлю 2017 г. на 2,5% по сравнению с предыдущим годом (в постоянных ценах)¹.

Основные понятия и соотношения между ними

Прежде чем погрузиться в анализ взаимосвязей между современной глобализацией и неравенством, имеет смысл напомнить читателю основные понятия из этой сферы, которыми пользуются исследователи.

Ключевым понятием, которым придется далее чаще всего оперировать, является понятие неравенства – само по себе весьма сложное, многомерное и многоплановое. Вообще говоря, в любом обществе и в любые эпохи люди оказываются неравными. Конкретизируя по различным граням это банальное, но, в меру своей банальности, наиболее глубокое обобщение, можно, например, говорить о неравенстве экономическом и социальном, о неравенстве в уровнях образования и о культурном неравенстве. Можно говорить о неравенстве доступа к ресурсам и о неравенстве доступа к потребительским благам, о неравенстве в доходах и о неравенстве в уровнях благосостояния (богатства). Есть общепринятая (и небезосновательная) точка зрения, что некоторый уровень неравенства в доходах и в богатстве является важным фактором развития

¹ Gillespie P. Milestone for Trump: 1 million new jobs in six months / CNNMoney (N.Y.). – 2017. – Aug. 4. – Mode of access: <http://money.cnn.com/2017/08/04/news/economy/july-jobs-report/index.html> (Дата обращения: 17.09.17.); Worstall T. Jobs up, unemployment rate up, here's why US economy has more room to grow / Forbes Economy. – 2017. – Jul. 7. – Mode of access: <https://www.forbes.com/sites/timworstall/2017/07/07/jobs-up-unemployment-rate-up-heres-why-us-economy-has-more-room-to-grow/#1c4b165d3e78> (Дата обращения: 17.09.17.)

экономики. Неравенство можно рассматривать как в динамике, так и по структуре; как внутри отдельных стран, так и при сопоставлении стран между собой. Можно говорить о глобальном экономическом и социальном неравенстве, о неравенстве возможностей и о неравенстве социальных позиций. Типология неравенств (с социологической точки зрения) рассматривается в работе Г. Терборна (Уппсальский университет, Уппсала, Швеция) (14, с. 34–35).

В настоящем обзоре, как обозначено в его названии, речь пойдет главным образом лишь об одном социально и экономически обусловленном виде неравенства – неравенстве в доходах. И при этом не вообще о неравенстве в доходах, которое, если остается в некоторых определенных рамках, является естественным двигателем экономического и социального развития. Тот вид неравенства, которое сегодня вызывает растущую обеспокоенность в разных странах и в мире в целом, можно условно определить как неравенство контрпродуктивное в социальном, экономическом или политическом измерении.

Многие используют понятия «справедливого» или «несправедливого неравенства». Т. Пикетти предпочитает говорить о «гармоничном» неравенстве как некоей цели, к которой, возможно, движется общество. В основе идеи так называемого гармоничного неравенства лежит достаточно фундированное предположение, что определенный уровень неравенства необходим, чтобы стимулировать игру здоровых конкурентных сил – в том числе на рынке труда (49).

Но что такое несправедливое (негармоничное) и что такое справедливое (гармоничное) неравенство? Относить ли эти критериальные понятия к области этики, трудноизмеримой психологической перцепции – или у них есть некие вполне измеряемые признаки и свойства? И как определить, какое неравенство следует признать контрпродуктивным, а какое – нет; какое справедливым, а какое – несправедливым? И верно ли полагать, что контрпродуктивное неравенство всегда несправедливо – или можно допустить, что неравенство может быть несправедливым, но продуктивным, и наоборот? (см. напр.: 197, с. 260). Эти и подобные им вопросы лежат уже вне рамок настоящего обзора: они восходят к идеологии социального либерализма Джона Роулза, а ответы на них «вращаются» на смысловых полях, контролируемых так называемой теорией распределительной справедливости (*distributive justice theory*) (63).

Очевидно, что понятие неравенства в распределении доходов, если рассматривать его в социологическом или этическом ракурсах, отличается от понятий бедности и социальной несправедливости. Менее очевидно, что эти три базовых понятия (неравенство, бедность, несправедливость), отражающие различия между отдельными лицами и семьями в доступе к благам (ресурсам), существенно различаются между собой и в том случае, если мы будем рассматривать их с экономической или социально-экономической точки зрения.

Прежде чем пытаться что-либо измерить или получить количественное значение чего-либо, необходимо сначала внести ясность в концепцию, которая закладывается в основу измерений. Специалисты обычно весьма тщательно подходят к этой проблеме, чего, к сожалению, нельзя сказать об участниках общественных дебатов, касающихся глобализации.

Существует достаточно четкое представление о различиях между понятиями бедности и неравенства. Если исходить из общепринятого определения этих понятий, чертой бедности, например, считается некий абсолютный показатель уровня жизни, выше которого оказываются индивиды или домохозяйства, способные поддерживать некий заранее заданный и определяемый государством уровень удовлетворения своих потребностей. Неравенство (в том числе неравенство в доходах), в свою очередь, имеет отношение совсем к другим сущностям: оно имеет дело с различиями в доступе к ресурсам, необходимым для потребления тех или иных благ в некотором объеме, или к различиям в уровне жизни (например, насколько доходы богатых относительно более высоки, чем доходы бедных) (75, с. 2).

Иначе говоря, уровень бедности для отдельно взятой страны – это некая абсолютно заданная величина для данного общества в тот или иной конкретный отрезок времени. Понятие «относительности уровней бедности» (см. ниже) используется только для сопоставления (соотнесения) уровней бедности между разными странами в один и тот же период либо для сопоставления уровней бедности в одной и той же стране в разные периоды (177, с. 3).

В отличие от уровня бедности, уровень неравенства в доходах – это относительная величина, которая может рассматриваться в проекции на любые временные периоды, на любые виды доходов и на любые совокупности получателей доходов. Выявление степени дисперсии в неравенстве доходов между отдельными группами доходополучателей той или иной страны часто дополня-

ется анализом неравенства в уровнях потребления, который позволяет во многих случаях получить более адекватную картину трендов в движении неравенства.

Понятно, что понятия неравенства в доходах и уровня бедности тесно связаны, соответственно, с понятиями потребления и уровня «недопотребления», и могут замеряться через сопоставления уровней потребления между различными группами доходополучателей (с учетом покупательной способности денежной единицы).

Таким образом, определение степени (глубины) неравенства, как и уровня бедности, предполагает измерение либо расходов, либо доходов домохозяйств (иногда – индивидов), либо и тех, и других с учетом различий в размерах домохозяйств и стоимости жизни.

Вообще говоря, можно рассматривать три показателя, характеризующие экономическую дисперсию индивидов (или домохозяйств): доход, потребление и богатство (wealth). Соотношение между доходом и богатством у каждого индивида (или домохозяйства) может изменяться в течение жизни. Например, один и тот же человек в студенческие годы может быть небогатым и получать невысокий доход, на старте карьеры оставаться сравнительно небогатым, но получать большую зарплату, а по завершении карьеры быть хорошо обеспеченным, но снова получать относительно невысокий регулярный доход. Соотношения между доходом и богатством во многом зависят от потребительских предпочтений индивидов (домохозяйств), т.е. от того, потребляют ли индивиды или домохозяйства свои доходы немедленно или откладывают потребление на будущее.

Различия в соотношениях между доходом и богатством определяются также типом экономики: есть страны с высоким уровнем неравенства в доходах и относительно невысоким неравенством в уровне богатства (например, Япония и Италия), но есть также страны с относительно низким уровнем неравенства в доходах и значительным диспаритетом в уровне богатства (Швейцария и Дания).

В ходе дебатов, развернувшихся в последнее время вокруг проблемы роста неравенства в развитых странах, неравенство рассматривается главным образом с точки зрения неравенства доходов или отдельных элементов, составляющих доходы (прежде всего таких, например, как зарплата и иные формы вознаграждения за труд, но также и иных видов доходов). Однако, по мнению некоторых исследователей, например О. Аттанасио (Университетский

колледж Лондона) и П. Пистаферри (Стэнфордский университет, США), с точки зрения экономиста базовая функция полезности для индивидов должна, как правило, определяться объемами потребляемых ими благ и продолжительностью досуга, а не размерами дохода (28, с. 3).

Разделяя и акцентируя эту позицию, российский экономист, чл.-корр. РАН Р. Капелюшников (ИМЭМО РАН, НИУ ВШЭ) полагает, что имеются «веские теоретические основания считать наиболее корректными оценки, относящиеся к неравенству в потреблении.., поскольку аргументами в функциях полезности индивидов, как вполне понятно, выступают количества потребляемых ими благ, а не величины получаемых ими доходов. Иными словами, исходя именно из этих оценок можно точнее всего представить, насколько велики различия в благосостоянии между отдельными людьми или домохозяйствами... Согласно оценкам, относящимся к США, уровень неравенства в потреблении примерно вдвое ниже уровня неравенства в доходах. Кроме того, динамика неравенства в потреблении, как правило, значительно более инерционна, чем динамика неравенства в доходах» (4, с. 5–6).

Таким образом, различие между уровнем дохода и уровнем потребления может оказаться принципиально важным при оценке масштабов неравенства, если дивергенции в распределении объемов потребления среди референтных групп доходополучателей в некий заданный момент времени являются менее значимыми, чем разброс в распределении доходов между теми же группами, или если изменения объемов потребления в течение некоего периода времени происходят более плавно, чем изменения в размерах доходов. Очевидно, что масштабы потребления могут отличаться от размеров дохода в определенный период – если, например, члены референтной группы пользуются кредитами или если часть их дохода уходит в сбережения, либо если они получают денежные трансферты от других членов своей семьи или, например, от государства с целью смягчения возможных финансовых потрясений из-за резкого падения уровня доходов (28, с. 3).

Аттанасио и Пистаферри полагают, что необходим сопряженный (параллельный) анализ структуры неравенства в потреблении и структуры неравенства в доходах, который по целому ряду причин может оказаться продуктивным.

Во-первых, такой анализ позволит выявить наличие (или отсутствие) механизмов, сглаживающих разбросы в уровнях потребления.

Во-вторых, он может пролить свет на природу резких, «шоковых» изменений в уровнях доходов, и в особенности помочь разобраться, какие из подобных «шоковых» изменений можно отнести к временным, преходящим, а какие – к постоянным, перманентным.

В-третьих, для целей анализа динамики и структуры неравенства беднейших слоев общества использование функции потребления может позволить обнаружить иные внутренние тренды помимо доходов – например, связанные с различиями в движении относительных цен на товары, потребляемые, соответственно, богатыми и бедными домохозяйствами.

Наконец, если имеет смысл говорить о показателях уровня благосостояния более высокого порядка, чем доходы и потребление, следует иметь в виду также функцию досуга. Относительно более высокая доля досуга в структуре времени представителей некой референтной группы может отчасти замещать (компенсировать) относительно более низкое потребление товаров индивидами или домохозяйствами, составляющими эту группу (28, с. 4).

Подход Аттаназио и Пистаферри к анализу неравенства, действительно, более многомерный, чем те, которые получили распространение в последнее время. И все же большинство исследователей по-прежнему предпочитают опираться скорее на данные о доходах, чем на данные о размерах потребления, по той причине, что статистика по доходам, как считается, более надежна и обширна, а работа с нею менее трудоемка, чем с базами данных по объемам потребления.

Иногда для замеров уровней неравенства учитываются не только доходы, но и активы домохозяйств (household wealth). Однопорядковое понятие – household affluence (благосостояние домохозяйства). Для таких замеров оценивается чистая стоимость активов домохозяйств в пределах некой выделенной группы или средних чистых активов (включают собственное имущество домохозяйств в пределах определенной территории). Расчет показателя благосостояния осуществляется путем учета текущей рыночной стоимости всех активов, находящихся в собственности домохозяйства, за вычетом суммы всех его обязательств. Оценки активов домохозяйств служат особенно полезным инструментом для анализа изменений в уровне жизни в стране или в отдельных ее регионах за заданный временной период, а также для выявления факторов, оказавших влияние на экономическое развитие той или иной территории, и степени влияния каждого фактора.

Однако наибольшее внимание общественности, похоже, привлекают показатели, измеряющие уровень бедности, и при этом прежде всего агрегированные измерители бедности в той или иной стране либо на глобальном уровне; хотя и более детальные измерители (например, спроецированные на отдельные регионы страны или на определенные этнические, возрастные либо гендерные группы) тоже часто становятся предметом анализа и обсуждения.

При этом некоторые комментаторы, выступающие в печатных и электронных СМИ, не слишком аккуратны в том, что касается отдельных важных нюансов, скрывающихся под «верхним слоем» глобальных дебатов – в том числе, например, в части принципиальных различий между понятиями относительной и абсолютной бедности.

На самом деле под абсолютной бедностью обычно имеют в виду уровень бедности ниже некоторой фиксированной линии, обозначающей определенную границу покупательной способности индивидов или домохозяйств. Относительная бедность обычно подразумевает, что линия бедности может устанавливаться в разных странах или в разных регионах одной и той же страны на разных уровнях: на уровне более высокой покупательной способности для относительно более богатых стран (регионов) или на уровне более низкой покупательной способности для относительно более бедных стран (регионов). Насколько более высоким или низким уровне – вопрос спорный, и ответ на него зависит от того, сколь значимым является в оценках того или иного индивида (домохозяйства) относительное ухудшение (или относительное улучшение) его благосостояния или уровня доходов, а это представляет собой некую сущность, о которой мы с трудом можем судить.

Экономисты обычно полагали, что люди заботятся только о своем собственном потреблении. Но существует обширное поле свидетельств, заставляющих предположить, что у людей имеются также социальные предпочтения и представления об уровне своего потребления (потребительском статусе) в соотношении с потребительским статусом других, и что относительные ухудшения в возможностях удовлетворения своих социальных интересов по сравнению с интересами других также являются важным детерминантом при формировании социального поведения.

Кроме того, при том условии, что распределение доходов среди индивидов (домохозяйств) в той или иной стране может быть неравным, число индивидов или домохозяйств, живущих на доходы ниже официально установленного в этой стране уровня бедности,

может оказаться статистически невысоким (пример – страны Скандинавии). Справедливость в распределении доходов – категория из совершенно иного понятийного поля, и при этом достаточно размытая. Но если рассматривать это понятие в экономическом и социальном ракурсах применительно к заработной плате как важнейшему источнику текущего дохода большинства индивидов, окажется, что справедливость вовсе не исключает неравенства – скорее наоборот, она должна предполагать определенное неравенство, и прежде всего неравенство в уровнях текущих доходов: одни работают более интенсивно, другие – менее; одни заняты на рабочих местах, предъявляющих высокие требования к уровню образования и профессиональной квалификации, другие – на неквалифицированных работах и пр. – и потому в терминах справедливости следует признать естественным, что «зарплатный» доход одних *per se* оказывается выше, чем доход других.

Строго говоря, в социально и экономически сбалансированных обществах (т.е. в обществах, где сведены к минимуму риски масштабных социальных потрясений, провоцируемых неравенством, которое малоимущие воспринимают как нелегитимное и чрезмерное), структура неравенства в доходах между различными группами и отдельными доходополучателями должна быть экономически оправданной и социально приемлемой (социально легитимной).

Но как все обстоит на самом деле? Нужно ли предпринимать какие-то специальные усилия, чтобы изменить структуру распределения доходов? Следует ли пересматривать (или хотя бы вносить коррективы) в экономическую и социальную политику, принимать срочные решения по трансформации действующих национальных и международных институтов, призванных регулировать диспропорции в доходах на уровне отдельных стран и на глобальном уровне? И действительно ли глобализация – и чем дальше, тем больше – в силу своей внутренней неолиберальной природы «блокирует» действия национальных и международных институтов, предпринимаемые с целью сглаживания наиболее вопиющих эксцессов, порожденных неравенством, и преодоления его последствий? Материалы, представленные в обзоре, нередко дают различные, порой во многом конфликтующие между собой ответы на эти и другие вопросы.

Нелишне также обратить внимание на еще один существенный момент, касающийся необходимости различения двух важных, соперебежающихся, но всё же разных смысловых парадигм. Речь

идет о том, что дискурс, условно обозначаемый семантической матрицей «глобализация ↔ неравенство» (с учетом обозначенной темы обзора эта матрица, с некоторыми оговорками, примет вид «экономическая глобализация ↔ неравенство в доходах»), можно исследовать в двух разных коннотациях. Можно, например, говорить о «глобализации неравенства» или, что практически то же самое, о «глобальном неравенстве». Но можно рассуждать и в парадигме «глобализация и неравенство». В первом случае предметом исследования и анализа оказываются проблемы неравенства в их глобальном измерении, т.е., например, анализ трендов в распределении доходов внутри отдельных стран и в целом по странам, а также при сравнении стран между собой. Во втором случае исследуется именно влияние собственно глобализации как мощного фактора, во многом определяющего контуры современного мира, на изменения в распределении доходов как в отдельных странах, так и в мире в целом. Оба обозначенных ракурса получили свое отражение в литературе, представленной соответственно в первом и втором разделах обзора (см. дальше).

Синопсис: О структуре обзора

Обзор состоит из четырех частей: введения, двух разделов и заключения. Каждая из частей разбита на главы; в разделах главы подразделяются на параграфы.

Во *введении* кратко комментируются некоторые основные понятия и соотношения между ними, имеющие отношение к рассматриваемой теме.

В *первом разделе* даются общие пояснения к наиболее распространенным показателям (индексам), с помощью которых принято измерять неравенство в доходах; рассматривается литература, исследующая динамику изменения уровней и структуры неравенства в доходах внутри отдельных стран и между странами. Здесь же представлена литература, посвященная основным факторам и причинам, определяющим такую динамику, а также (кратко) некоторые публикации по смежным вопросам, имеющим отношение к рассматриваемой теме.

Во *втором разделе*, занимающем центральное место в обзоре, кратко комментируются некоторые известные и менее известные показатели (индексы), применяемые для измерения глобализации и оценки ее эффектов на экономические и социальные

процессы; описываются методологические и технические проблемы, с которыми сталкиваются исследователи, изучающие взаимосвязи между глобализацией и неравенством в доходах, и дается представление о некоторых новых моделях, позволяющих улавливать взаимосвязи между глобализацией и неравенством. Представлена также часть огромного массива литературы, обобщающей наиболее распространенные сегодня точки зрения и (в самом общем виде) результаты исследований последних десятилетий, оценивающих место глобализации в ряду других драйверов неравенства в доходах (как в отдельных странах, так и в целом в мировой экономике). Предполагается, что некоторые темы, затронутые в этом разделе, получат более углубленное освещение в последующих обзорах литературы по проблематике глобализации и неравенства, планируемых ИНИОН РАН на 2018–2021 гг.

Заключение, как и положено, содержит общие выводы по всем основным темам, затронутым в обзоре.

Важно подчеркнуть, что особенности неравенства доходов в России, равно как острейшие проблемы, касающиеся уровня бедности и неравенства в уровнях благосостояния российских домохозяйств, вынесены за рамки настоящего обзора. Это сделано по той простой причине, что российская проблематика, вне всякого сомнения, заслуживает отдельного, специального обзора, подготовке которого ИНИОН РАН планирует на ближайшие годы.

В обзоре представлены не только аналитические и эмпирические исследования, но и некоторые материалы публицистического характера, выступления политических и общественных деятелей разных стран.

Включение подобных «ненаучных» источников, с одной стороны, отчасти объясняется спецификой рассматриваемой темы, которая, как было отмечено выше, в последние годы оказалась на пике общественного интереса едва ли не во всех странах мира, в фокусе внимания международных организаций и средств массовой информации. С другой стороны, хорошо известно, что с серьезными научными текстами работают лишь немногие из тех, кто непосредственно принимает политические решения либо формирует массовое сознание. Именно публицисты, а также эксперты-комментаторы выступают в качестве трансляторов новых идей и научных выводов, именно они через массовые СМИ воздействуют на отношение людей к той или иной волнующей общество проблеме и подвигают политиков действовать в том или ином направлении. Иначе говоря, публицисты образуют своего рода «мостик»